

Lia German

Лия Герман

[Семейное предание](#)

[Детство](#)

[Военное время](#)

[Послевоенное время](#)

[Брат и сестра](#)

[Супружество](#)

Семейное предание

Я терпеть не могу что-то рассказывать. Мой прадедущка Мейер Кадишевич (1837 – 1920) по отцовской линии родом из Акнисте (Екабпилский район). Оказывается Актисте до 1921 года входил в состав Литвы. В Акнисте собирают сведения о потомках селах (Селия – культурно-исторический регион Латвии) и так мой дедушка коренной житель Латвии, то он тоже относится к селам. Сейчас живых потомков с их мужьями и женами более 100 человек, более 60 человек проживает в Израиле, в Латвии -- 14, в Британии -- 8. Фамилию Кадишевич сохранили, но в Риге Кадишевичей из нашего рода нет. Его дочь Рива вышла замуж за Моше Гальперина, у них было 5 детей. Годы жизни бабушки не знаю, я этим не занимаюсь. Мой отец родился (1891 – 1979). В нашей семье было трое детей --Мейер погиб (1919 –1941), сестра Эдит умерла (1915 – 1991) и я.

Чем занимался прадед, не знаю. Я знаю только про моего дедушку, который не Кадышевич, а Гальперин. В 1877 году он основал ткацкую фабрику в Двинске (Даугавпилсе) (в тот период Двинск относился к Витебской губернии). Поэтому мы с 1931 года жили в Двинске после его смерти. Я знаю, что он пришел из какого-то местечка. Подозреваю, что тоже из Акнисте, потому что у моих родителей какое-то время было литовское гражданство, о чем я узнала, когда я получала гражданство. Я нашла в архиве документы об их натурализации в 1925 году. Мама не была гражданкой Литвы, но она вышла замуж и автоматически получила литовское гражданство. По преданию семейному он (Моше Гальперин) пришел пешком в Двинск из какого-то местечка литовского и своими руками построил первый ткацкий станок. Очень талантливый человек. Дети не в него пошли. Дети получили высшее образование и ничего своими руками не могли сделать, как только потерять. Ни один не сумел ничего создать. Наверно где-то рядышком жил, потому что женился на Риве Кадишевич и они приехали в Двинск жить. И потом уже вся семья жила в Двинске до 1915 года. В 1915 году их вывезли вместе с фабрикой в Павловский Посад (Подмосковье). В Курляндии раньше евреев выселили, а потом уже начали из Двинска выселять. (Это переселение было связано с обеспокоенностью Царского правительства возможной лояльностью евреев к наступающим германским войскам во время Первой мировой войны.)

Детство

У моих прабабушки и прадедушки по маминей линии, а они из Тукума, Курляндии, было 13 детей. Фамилия их Крамер. Прабабушка Мина Иосифовна Крамер. Имя деда не знаю. В Тукуме они занимались оптовой торговлей – зерном, пивоварением. Результатом переплетения Курляндских и Латгальских корней в том, что мы дома говорили по-немецки и по-русски. Отец мамин умер в 1919 году от испанки, бабушка Роза осталась с восьмью детьми. Мама самая старшая – Герта Крамер, 1899 года рождения. И она приехала в Ригу, здесь уже тетки, дяди жили, устроилась на работу в контору к моему дедушке Моше Гальперину, умер в 1930 году. У него после возвращения из Павловского Посада в Риге было представительство немецкой фирмы Hartman и мама устроилась к нему машинисткой, а папа в это время овдовел, остался с двумя детьми. Был очень интересный молодой человек и она вышла за него замуж. Хотя все тетки умоляли ее не делать этого, выходить замуж за вдовца. И мама попала вот в эту Латгальскую семью, где говорили на идиш и на русском. Она на идиш ни слова, она говорила только по-немецки. И над ней все ужасно смеялись. И поэтому меня она в четыре с половиной года отдала в еврейский детский сад при 8-ой еврейской школе. Школа эта была экспериментальная – задание по математике давали каждому индивидуально, на листочке по способностям. Я там только полгода проучилась и мы переехали в Двинск. Так я попала в еврейскую школу – сначала в Риге, потом в Даугавпилсе. И все воспоминания 30-х годов связаны только с еврейской школой. Меня отдали в еврейскую школу, когда я не знала ни одного слова по-еврейски. Я говорила только по-русски и по-немецки. Кстати, с трех лет читала по-русски и по-немецки. Никогда не путались у меня слова, не путались буквы. У нас большинство детей знало два-три алфавита, ничего не было трагичного в этом. В еврейской школе я была в детском саду и в подготовительном классе. Когда мы переехали в Двинск, я по инерции пошла в еврейскую школу, со второго класса начали учить латышский язык. Да, меня вначале отдали в немецкий детский садик, как было положено. Там я была два или три дня, и заявила, что туда я больше не пойду! А почему? Там комната была с антресолями (ярусами), а внизу мы там гуляли, по кругу, дисциплинированно. Дома у нас было очень свободное воспитание, без гувернанток я уже росла, дела уже были плохие. И я, проходя мимо рояля, прошлась по клавишам. Меня немедленно наказали, выгнали из этого ряда и поставили наверх, на антресоли стоять как бы в углу. Я пришла домой и сказала: «Я туда больше не пойду».

Моя мамочка, которая шла у меня на поводу, договорилась в Двинске с директором школы 4-ой еврейской школы В.Левембергом, и он мне лично директор школы устроил экзамен по всем предметам подготовительного класса. И так как я этот экзамен сдала, я поступила в первый класс и всю жизнь была самая младшая в классе. Кончала среднюю школу в Семипалатинске в 16 лет. До 1934 года это была бундовская школа с очень интересными учителями, они нигде не могли устроиться как только в школе. А в 1934 году ее полностью преобразовали и всех наших учителей сослали в Лиепаяу. (После переворота 15 мая 1934 года, когда к власти пришел Карлис Улманис, политические противники были отправлены в своего рода концентрационный лагерь в Лиепаяу.)

И мне стало очень скучно заниматься, ввели Закон Божий. Мы были все воспитаны иначе. Дома мы были в либеральной атмосфере, ведь бундовцы – это социал-демократы. Вся наша семья была так настроена. Сестра у меня была левая, и брат был подпольщиком-комсомольцем, поэтому и погиб в 1941 году. А потом началось это

религиозное воспитание, но оно не прививалось, абсолютно, вызывало только обратную реакцию. Когда мы кончили 6 классов, мы могли поступить в латышскую гимназию. Настолько мы знали латышский. Я поступила в еврейскую гимназию, где было преподавание на иврите. Несмотря на такое мнение, что евреи были очень богатые, была такая беднота, такая нищета этих еврейских детей в школе. Мне мама давала всегда лишний бутерброд, иначе у меня воровали, голодные были мальчики, девочки тоже, но девочки стеснялись. И из приюта дети были. Из нашего класса в гимназию поступило только 4 человека из 28 человек. Гимназия была одна, платная. Вся школьная жизнь была один год 1940-41 год, когда советской школа стала, тогда школьная жизнь началась. Приходили, отсиживали уроки, уходили домой и делали уроки.

Форма школьная спасала от разницы, от того, как одеваются дети из богатых семей и из бедных семей. Детки из приюта были в форме, но их форма от нашей формы отличалась. Если у меня была форма шерстяная, то у них была сатиновая. Моя мама три или девочки приглашала домой и кормила их обедом. Нищета была страшная. Родители были в состоянии платить, но проблемы бывали, не всегда вовремя платили. У них было собственное дело, у них же не было зарплаты.

Мама выросла в Тукуме, училась в немецкой школе, говорила по-латышски хорошо, кстати. Попала в 1915 году (когда выселяли из Курляндии евреев) в Ярославль (Россия) и кончила русскую гимназию, а до этого не знала ни слова по-русски. Была такая грамотная по-русски, что она во время войны в Семипалатинске и после войны работала машинисткой в Министерстве мясомолочной промышленности. Ее держали на должности экономиста, чтобы побольше платить потому, что она грамотно печатала. Я тоже кончила, кстати, русскую школу, хотя ни одного дня не учила русский, кончила в 1942 году с золотым аттестатом. Во время войны золотые медали не выдавали. Аттестат сохранился, только золотой каемки уже нет. О Ярославле мама очень тепло вспоминала. После Тукума Ярославль был столицей. Вспоминала Волковский театр, вечера поэзии Игоря Северянина, за которым мама босиком зимой бегала. И ни слова не рассказывала, как они жили с восьмью детьми. Как дед мог их прокормить там?! Про быт их ничего не знаю.

Мамочка была у деда и у папы делопроизводителем, машинисткой, переводчицей. Папочка в 30-х годах, когда при Улманисе всюду надо было говорить по-латышски, а папочка по-латышски не говорил, мама всюду ходила в банки, в управу. Все делопроизводство было ее. Она была как секретарь, как референт, потому что она хорошо говорила по-латышски. Хозяйством не занималась. Была прислуга. В Даугавпилсе мы жили в домике в деревянном, при фабрике, без всяких удобств, естественно с печным отоплением, с примусами. Четыре комнаты были. Дед умер в 1930 году, а бабушка осталась жить в Риге с младшими детьми, с младшими сыновьями и их женами, на улице Лачплеша 61.

Спортом в школе не занималась. Музыкой, балетом. Но я абсолютно бесталанная, без слуха. За музыку мы, конечно, не платили. Была родственница учительница музыки, которая меня учила и говорила: «Менее способной и более ленивой ученицы у нее еще не было». Так, что это мы довольно быстро бросили. Балетом я занималась года два, но поскольку я абсолютно немзыкальная, успехов я тоже не сделала. По принципу «Мы все учились понемногу, чему ни будь, и как ни будь». (Строки принадлежат А.Пушкину.) Коньки были, на

коньках плохо каталась. Тогда ходили на каток каждый день. И по субботам. Почему нет? Какой раввин? Кто знал раввина?

Я в жизни не видела хоральную синагогу в Двинске. Мои родители туда не ходили. У нас праздники всегда, до конца – до смерти отца, отмечались дома. Традиционно. У бабушки так было и у нас так было. Все сводилось к чему – к семейному ужину, праздничному с какими-то традиционными блюдами. Была всегда маца в доме на пасху. Папа ходил в синагогу два раза в год – на Новый год и на Судный день. Причем в Двинске он ходил не в синагогу, а ходил к друзьям, у которых в доме была моленная еще от их родителей. Там надо было собрать 10 человек и он туда ходил. Один раз он взял меня с собой, поэтому я запомнила. А в Риге, после войны, когда был очень старый, не работал, тоже по субботам не ходил, только по большим праздникам, когда он постился. А так папа был очень образованный человек, он кончил в Петербурге Психоневрологический институт, юридический факультет, вместе с Михоэлсом. Но началась революция, он не сумел защитить диплом. С Михоэлсом он еще учился в Двинске. С Михоэлсом я была на встрече в Москве в декабре 1944 года, когда мы возвращались из Семипалатинска в Ригу. Папа меня взял с собой мы пошли в Еврейский театр, и он просил передать Михоэлсу, что пришел такой-то. Выбежал Михоэлс: «Илюша!» Меня он только по головке погладил. И пригласил в театр на спектакль на следующий день, а на завтра мы уехали. Тогда нельзя было знать заранее, когда можно будет уехать. Уехали в Ригу. Был уже декабрь. Мама приехала в Ригу осенью, в октябре, первым поездом. Она в Семипалатинске работала в Заготзерно. Ее вызвали в Москву работать в Министерство мясомолочной промышленности. А мне прислала вызов из университета, а папе с работы. В Ригу мы приехали 31 декабря 1944 года.

Военное время

Мы не уехали в эвакуацию, мы пешком шли. Мы 11 дней шли пешком. Из Даугавпилса до Новосokolьников (Россия), до первой станции, которая не была разгромлена, на которой можно было сесть в поезд и доехать до Великих Лук (Россия). А от Великих Лук шел эшелон. Шли пешком 11 дней через всю Латгалию! Толпы беженцев! Дошли до границы нас не пропустили. Советские пограничники нам сказали: «Вы дезертиры, немцев отогнали, возвращайтесь домой работать.» Мы не вернулись, мы отошли в ближайшую деревню и договорились с каким-то хозяином по поводу комнатки. Мой отец понимал всю эту ситуацию. Мы начали с мамой готовиться ко сну, забегает девчонка и говорит: «Немцы уже в деревне, уходите.» Мы ушли. И когда мы дошли до границы, то никаких пограничников не было, никакой границы не было. Кому хватило ума не уйти обратно, те прошли. И когда я позже ездила часто в командировки, все эти станции я проезжала, что ногами были исхожены. В Великих Луках формировался эшелон. Он шел в Кемерово. Но отец заболел дизентерией и на станции Юрга 1, его сняли с поезда, положили в больницу, а мы с мамой жили там в Доме колхозников, недели две. Мы поехали в Новосибирск, из Новосибирска в Семипалатинск. Папа знал Семипалатинск. Когда они с фабрикой были в Павловом Посаде (в эвакуации во время Первой мировой войны), то шерсть они закупили в Семипалатинске. И он решил, что в Семипалатинске должна быть развитая текстильная промышленность. После Юрги мы попали в Новосибирск, нам там очень понравилось. Папа сказал: «Один день даю на Новосибирск. Если не устроимся за один день, едим дальше.» Тоже не удалось за один день устроиться. Мы поехали в Семипалатинск. В Семипалатинске за один день устроились.

Он работал в Семипалатинске в Продснаб. Юристом работал. Мама сразу устроилась, в первый день. Как нас в Семипалатинске приняли, это как в сказке. Мы приехали на вокзал, меня оставили на вокзале. А до того, как меня оставили на вокзале, пошли в буфет кушать, к нам подошел молодой человек, интересный, интеллигентный и говорит: «Вы нездешние?» Причем мы были одеты жутко, мы были ободранные, все, что мы взяли с собой мы бросили. В Юрге нам сшили маме и мне костюмчики, элегантные, литовские портнихи сшили из жесткого материала. Илья Иванович подошел к нам, его уже давно нет в живых: «Нездешние? По вашему виду вижу, что вы нездешние. Где вы будете жить? Вот вам ключ от моей комнаты. Я здесь дежурю на вокзале. Вы можете идти.» Естественно, мы ключ не взяли. Оставили меня с сумками на вокзале и ушли. Через какое-то время они пришли, устроились: «У нас есть уже квартира и работа». Оказывается, рядом с вокзалом был эвакуопункт. Они пришли в эвакуопункт, вышла бухгалтер и сказала: «Вот вам адрес, идите, вы там устроитесь. Я живу у своего брата, и мне соседи сказали, увижу приличных людей, пришли к нам». Это как сказка звучит сейчас.

Как я начинала так я и кончала школу. У меня с собой было свидетельство на латышском языке, что я закончила 9 класс. Там было написано – переведена в 10 класс. А у нас в Даугавпилсе было 11 классов. И нас не хватало предметов по программе. И когда я пришла сдавать документы, я сказала: «Я пойду в 9 класс». У нас не было тригонометрии, у нас не было стереометрии. Мне нужно было два года, чтобы школу окончить. Да и русского я не знала. Я на русском говорила, я выросла на русской литературе, но грамматику не знала. В жизни не знала и сейчас не знаю. Папа мне говорит: «Иди в 10 класс. Идет война. Мы не знаем, где я буду завтра. Надо кончать школу». Я же очень послушный ребенок! Пришел в школу, сдаю документы, сидит директриса Зоя Ивановна, фамилии не помню, смотрит на свидетельство. Я говорю: «Я кончила 9 классов, а у нас школа 11 классов». Она мне говорит: «Здесь написано, идите в 10 класс». И повторяет мне слова, которые мне папа сказал: «Идет война. Мы не знаем, что будет завтра. Кончайте школу». – Я не справлюсь! – Если вы не справитесь, то через месяц мы переведем вас в 9 класс. Написано, идите в 10 класс. Первое сочинение было с ошибками, ошибки были не стилистические, а знаки препинания. У нас был класс из всего союза. Мои самые близкие подруги остались из эвакуации, из моей школы. В Москве две подруги, одна особенно близкая, с которой мы познакомились в читальном зале. Она тоже училась в 10 классе в другой школе. Учебников не было, сидели в читальном зале. Как мы тогда познакомились 60 лет назад, так мы и дружим. Сейчас, к сожалению, только по телефону, последний раз она была 5 лет назад. А раньше постоянно ездили к друг другу. Закончила школу и поступила в Московский геологоразведочный институт (МГРИ), который был в эвакуирован в Семипалатинск. Все пошли в МГРИ, все мои подруги пошли и я. Факультет? Геофизический, геологический, не знаю! Окончила первый курс, потом институт поехал в Москву, а мне ехать в Москву не на что было. Некому было меня содержать в Москве. Я осталась в Семипалатинске, а в Семипалатинске был только педагогический институт (СПИ). И я пошла для развлечения на литературный факультет. После геологоразведочного института это было что-то вроде санатория – очень удобно, очень приятно, очень хорошо. Преподаватели были тоже эвакуированные, шикарный контингент. Там я кончила первый курс, а затем в Ригу приехала сюда на филологический факультет, на английский язык. Учились на русской литературе и брали уроки английского. У нас была очень интересная учительница, и мы брали у нее частные уроки.

Послевоённое время

Закончила я фактически в 1949 году. Но у меня была история с дипломом. Диплом у меня 1950 года. Написала диплом про Эптона Синклера. Пришлось писать вторую дипломную работу.

Замуж я вышла в 1948, еще студенткой. По специальности не работала. Я думала остаться в университете. Не брали! При распределении в университете мне сказали: «Для вас в Латвии работы нет! Мы вас передадим в союзное министерство просвещения». (В те годы советская власть практиковала отправлять евреев в глубинку России.) Чего я очень испугалась, решила, что это очень серьезно. И срочно забеременела. Беременная защищала диплом второй раз. Не про Синклера, а про Джека Лондона. Янис Ниедре у нас был декан, писатель. Когда мы с моей руководительницей встретились, «Литературная газета» напечатала большую статью «Эптон Синклер карьерист и предатель». Я жила здесь на Гетрудинской 9, а моя руководительница жила на Блауманя возле Кришьяна Барона, мы побежали к друг другу, встретились на Блауманя, обе с этой газетой. И побежали к Ниедре. И что он мне предложил: «А вы переработайте дипломную на основании этой статьи». Я писала диплом «Антифашистская эпопея Эптона Синклера». Сидела в Ленинграде в библиотеке месяц, изучала такие тома на английском языке, очень интересные книги. Только две были переведены на русский. «Переработайте в свете этой статьи!» 1949 год! Я говорю: «Я не могу. Я буду про Чосера писать».

Давление я чувствовала годами! Пока моя сестра, она работала на фабрике «Лента» начальником планового отдела, и она меня устроила в библиотеку фабрики «Лента». Через несколько лет после окончания. Диплом мне фактически только теперь пригодился. Я переводила всю жизнь. Переводила техническую литературу. Последние 20 лет я работала в Латгипропроме в отделе информации. После «Ленты» я работала в библиотеке фабрики Медпрепаратов, начала заниматься переводами. И для Латвийской торговой палаты тоже делала технические переводы. А по настоящему я начала пользоваться английским, немецким, латышским и еврейским только теперь. Оказалось, что идиш очень нужен! Я вообще оказалась уникалом! Ко мне все в этом доме, в Латвийском обществе еврейской культуры, бегает, чтобы что-то прочесть. Иврит еще люди учат, знают, а идиш нет! Я динозавр!

Брат и сестра

Сестра моя Эдит (1915 – 1991) окончила гимназию, вначале она училась в Риге, а последний кончала в Двинске и уехала в Ригу работать на фабрику «Красная текстильщица». Там она была помощником мастера, ей было 18 лет, и она влюбилась в шефа -- в мастера Константина Флориановича Яголковского (1893—1981), русский из поляков, из дворян. Бывший белогвардеец, интеллигентнейший русский человек, на 22 года старше ее. Не красавец, невысокого роста. Он прошел с белой армией через Сибирь, Харбины и окружными путями попал сюда. У него в Ленинграде осталась жена и дочь такая как моя сестра, в Харбине осталась еще одна жена, здесь уже была любовница, которая уже разводилась с мужем! А он такой скромный, очень интеллигентный, очень симпатичный человек! И он сошелся с моей сестрицей. На фабрике заключали пари, как на скачках, сколь долго продержится этот брак. И они прожили 35 лет! Такой счастливой пары больше не

было! Ни ее дети, ни ее внуки, ни кто так не живет, как они жили. И они здесь в немецкое время были. Он спасал ее! Они не смогли выбраться, они были на работе, когда они прибежали с работы, то мосты были взорваны. Уйти из Риги нельзя было. Когда мы вернулись в Ригу, они жили в Задвинье, возле Ботанического сада, мама пешком пошла туда. Дети есть, живы! Сын в Америке, а дочка умерла, здесь только внуки живут. Но живали она! Оказалось, что она тоже жива!

Брат Мейер (1919—1941) был комсомольцем-подпольщиком, в первый же день войны пошел в Центральный комитет комсомола и пошел добровольцем на фронт. Мы одно только письмо получили из Эстонии, и потом он пропал. Его нет ни в каких списках, нет в списках погибших, нет в списках даже этой воинской части, в которой он был приписан. Они, вроде бы, утонули при переправе в Кронштадт, или из Кронштадта. Он успел жениться, детей у них не было.

Супрjúжество

Муж мой из Резекне – Израиль Герман (1917 года рождения), закончил Резекненскую еврейскую гимназию, основная школа там была на идиш, а гимназия на иврите. И пытался несколько лет подряд поступить на медицинский факультет. Он по сей день латышский знает в совершенстве. Не брали его туда по национальному признаку. В другое место он не хотел поступать. Он был в армии латвийской, затем после был автоматически в советской армии. Он был очень музыкальный, играл на скрипке. И он попал в оркестр Рижского пехотного училища. Так он попал на фронт. Он был капельмейстером. Курсантов отправляли в бой, а оркестр не отпускали. Он демобилизовался, затем поступил в музыкальное училище при консерватории в Ленинграде, после поступил и в консерваторию на теоретический факультет. Приехал в Ригу, а здесь у него сестра с маленькими детьми жила и очень нуждалась. Он в Ленинград уже не вернулся, а пошел работать, чтобы ей помогать. Потом встретил меня. Мы женаты уже 54 года. Золотая свадьба праздновалась, но уже болел в это время. Дочка прилетела из Ленинграда, невестка заказала столик в ресторане, а в итоге у него приступ желчнокаменной болезни и мы никуда не пошли.

Дочка Эдит Дорфман, 1950 года рождения, закончила химический факультет Латвийского университета. Дочка вышла замуж за ленинградца, но не долго жила там, приехала в Ригу и работала в техникуме, в школе средней, когда открыли еврейскую школу, то работала в ней. Сейчас в Израиле живет с 1992 года, преподает химию, работает учителем. Сын Михаил Герман, родился в 1953 году, закончил физико-математический факультет Латвийского университета. Сын системный программист, живет в Риге. Сын и не пытался идти по моему гуманитарному направлению. У сына был выбор или консерватория или физико-математический факультет. У него не было терпения сидеть столько часов, сколько положено. Кончил музыкальную школу, у профессора Блументаля брал частные уроки. А когда перешел в 10-й класс, то мы пошли к Блументалю советоваться, что делать, куда его определять. Он говорит нам: «Понимаете, он в консерваторию может поступить сегодня. Но зачем ему это нужно? В нашей области нужно быть или гением или никем! Что он будет сидеть с детьми, как я? Он способный математик, Зачем ему это надо?!» Так решилась его судьба. Физика, самый легкий путь, путь наименьшего сопротивления. А дочка меня очень упрекала, хотела идти учиться на филологический факультет, а ей говорила, что у меня

очень плохой опыт. Я противилась, как могла. Языкам не обучала: будет знать английский, пойдет на филологический.

Мама меня не направляла ни в какие санатории или лагеря. Был лагерь, но для бедных детей, где мама была в родительском комитете. Дачу снимали и то не каждый год. Не всегда была возможность. Отправляли в Тукум или к тете в Ригу на взморье. Одинадцать лет жили в Двинске, а дачу снимали, думаю, два раза. Свое дело было, но дело и деньги разные вещи. Особенно в 30-е годы. Во время кризиса в 30-е годы в Риге они все потеряли, осталась только эта дванская фабричка, которой управлял какой-то родственник, и папа решил, что надо ехать туда. Спасать! Но особенно тоже не спас! Тянул, нас тянул, свою маму тянул. Ничего лишнего. Бабушка в Риге жила не у тетей, а они у нее. Бабушка была очень властная. Бабушка спаслась, ее вывезли в Семипалатинск, она была с нами. Младший папин брат вывез жену и детей, бабушку. Сам был на фронте. Самые близкие родственники спаслись.

Мамина семья вся в Бразилию уехала еще в 30-е годы. Бабушка Ребека (урожденная Крамер), а муж мой дедушка был Лейбе Герсон из Тукума. В 1919 году, когда они вернулись из России, тогда была эпидемии эспанки, он умер, и оставил бабушку с 8-ью детьми. Мама самая старшая, ей было 19, а младшему было 8 лет наверное. Жила в Тукуме бабушка в своем доме, но помогали ей братья. У нее было три или четыре брата. У них было пивоваренное дело. Они помогали, но сколько можно восьмерых детей содержать. Бабушка сначала рожала через каждые год и два месяца, топом уже через два года. Говорила, что рождает столько, сколько Бог послал. Мама уехала в Ригу строилась работать, братья мамы Моисей и Мендель они до моего рождения уехали – один в Бразилию, другой в Палестину. Там они жили до самой смерти. Но тот, который в Бразилию уехал, Моисей, он перетацил к себе незамужних и неженатых — тетю Юдит, бабушка с остальными детьми. Мама была замужем и две сестры были замужем. Так они спаслись. Это близкие родственники, а дальних родственников было так много, что я даже не знаю. Мама переписывалась с бабушкой, Моисей к нам приезжал и Юдит со своей дочкой, в 60-х годах приезжали. Два или три раза приезжали. Образование они получила в Латвии только среднее. Моисей учился в университете, но не закончил, не было денег. Моисей начинал с того, что жена друга пекла пирожки, а они ходили продавали. Но потом как-то крутились. Моисей был очень интеллигентный человек, владел, по-моему, 12-ю языками, писал что-то. У него было две дочки, одна умерла, другая в Америке. Никто не преуспел! Никто! Это не та семья, которая преуспевала. Одну сестру он выдал за богатого украинского еврея, но счастья она тоже не видела. Она единственная была состоятельная, только благодаря тому, что она попала в семью украинских евреев, у которых на Украине в свое время была типография, и в Бразилии у них была типография. Служили, как-то жили, голыми никто не умирал, богатства не было. Из моих родственников ни кто не стал миллионером. Ни в Бразилии, ни в Израиле. Кто был миллионером здесь, то и там остался миллионером. В Бразилии много родственников – они мною не интересуются, а я ими. Это молодая поросль! Дочка Юдит была у нас во второй раз со своим мужем журналистом, они были в Москве, и заехали к нам. Тогда уже, наверно, бабушки уже не было в живых. Бабушка умерла в году 1967.

Дядя Мендель в Палестине всю жизнь проработал на шоколадной фабрике. До самой смерти работал, у него было двое детей. Сын летчик – один из первых летчиков в Палестине, дочка была учителем физкультуры, у каждого у них по трое-четверо детей. Там тоже большая поросль детей, внуков. Когда мы там были, нас хорошо принимали. Звонят по праздникам, молодых эти связи не интересуют.

Мои родители никуда не лезли – ни на общественные работы, ни в партиях вы их не найдете.

В доме была библиотека. Занимались ею и папа и мама. Папа оставил мне очень большую библиотеку после войны, довоенная библиотека пропала вся. В Семипалатинске у нас тоже были книги, но у нас они по дороге пропали. Как мы только приехали, он начал заниматься книгами. Историю евреев собирал, еврейскую энциклопедию, всего Дубного собрал, художественную литературу. У него были связи в антиквариатах, он получал новые книги. До войны у мамы были немецкие книги, а после войны она читала и по-русски и по-немецки. Библиотека сохранилась, но немножко разошлась по детям.

Мама работала в Министерстве мясомолочной промышленности, а папа в разных местах работал. Мы с мужем с ними жили, у нас не было возможности получить квартиру. Даже когда предлагали на работе кооперативную квартиру, и то не могли купить, не ставили на очередь, очень большая площадь была: нас было три комнаты на 6 человек. Нас не брали на очередь.

Сын мой Михаил нерелигиозный человек. Внук Илья, 1982 года рождения, учится на физико-математическом факультете университета, работает, пошел по папимой и маминной линии – все программисты. Все трое работают в одной фирме. А у дочки сын кончил здесь еврейскую школу, там отслужил в Израильской армии два года, а теперь работает там программистом, учится в магистратуре на экономическом факультете. У дочки Эдит в Израиле. Ностальгия у нее по родителям и брату. Приезжает раз в год. Преподает на иврите и на русском химию в школе.

Сестра жила напротив Ботанического сада, в доме в котором было квартир шесть. И когда в первые дни какие-то хулиганы начали стучать, то соседка, когда ее спросили живут ли здесь евреи и коммунисты, ответила: «Нет!» И не впустила их. И этим фактически спасла ее семью. Это были первые хулиганские наскоки. А потом здесь распространился закон, что неарийские матери арийских детей могут жить с семьей, им разрешается. С работы она ушла, ей пришлось уйти. Он работал в химчистке на тяжелой работе, а она сидела дома с детьми. Да, они получили повестку в суд, что якобы они разводятся. Никто из их знакомых не дал согласие. За исключением одного. Когда они пришли в суд, то все начали пилить этого латышского мужа, как это он дает согласие, обрекает жену на гибель. Тогда тот пошел к судье и спросил: «Я могу забрать заявление о разводе?» Судья ответил: «Обязаны забрать!» Все эти жены – еврейские жены латышских и русских мужей остались живы. Им всем сделали операцию – кастрировали, перевязали маточные трубы. Те у которых были дети были очень довольны. Когда немцы начали вывозить, их забрали сослуживцы латышские рабочие в Золитуде прятали.